

Януш Сятковский

Изменения в распространении названий частей тела в восточнославянских говорах в свете данных истории языка

Материалы, на основании которых коллектив польских авторов готовит к печати IX том *Общеславянского лингвистического атласа* (ОЛА) «Названия частей тела», дают возможность отметить, что границы распространения анализируемых названий часто отличаются по сравнению с данными, представленными в более ранних диалектологических исследованиях, а также в исторических словарях славянских языков. В настоящей статье мною будет предпринята попытка проиллюстрировать эти процессы в восточнославянских языках – на примере названий нескольких частей тела.

В материалах ОЛА наименование **čelo* у восточных славян отмечается повсеместно только на юго-западной Украине, а кроме того, как реликт – на восточной Украине и в южной России. То, что оно широко употребляется в значении ‘лоб’ в русских говорах, подтверждается данными цитируемой в ЭССЯ IV: 46 картотеки словаря псковских говоров. Раньше это название у восточных славян было известно шире.

Наименование **čelo* в значении ‘лоб’ часто встречается в древнерусских и церковнославянских памятниках (русского извода). В СрезМат III: 1488 оно цитируется уже по книжному памятнику XII века «Златоустрой», а также по многим более поздним. О распространенности этого наименования свидетельствует многократно зафиксированный оборот *бити чельмь/челом(ь)* (‘кланяться низко’, ‘бить поклоны’, ‘обращаться с просьбой о чем-л.’, ‘просить о чем-л.’, ‘приносить благодарность’, ‘благодарить за что-л.’). Многочисленные примеры употребления этого оборота в летописях и грамотах, начиная с XIII века, приводятся в словарях древнерусского языка: в СДРЯ I: 163 (*чело бити* ‘обращаться с просьбой о чем-л.’, ‘просить о чем-л.’), в СрезМат III: 1488–1489 (*челомь бити* на кого ‘жаловаться на кого-л.’, *челомь добити* (*добивати*) ‘просить’, *челомь добити* ‘принести в дар’, *челомь ударити* ‘поклониться кому-л.’, ‘приветствовать кого-л.’, *челомь ударити на кого* ‘обратиться с жалобой на кого-л.’) и в СРЯ XI–XVII I: 186–188 (*бити челомь въ службу* ‘просить о принятии на службу’). В наше время оборот *бить <ударить> челом* ощущается как устаревший и шуточный (ССРЛЯ XVII: 821, БТСРЯ: 1470; ср. оборот *бить челом* в послереволюционной детской песенке, прославляющей картошку – в частности, печение ее на костре: «Здравствуй, милая картошка, низко бьем тебе челом!»).

Подобная же ситуация наблюдалась в украинском и белорусском языках. Украинский оборот *бити чоломь* <*челомь*, *чолом*, *челом*> известен начиная с XIV века (ССУМ II: 546, Тимч I: 483), а в настоящее время имеет вид *біти*

<ударя́ти> *чоло́м* (СУМ XI: 349). В древнебелорусских памятниках этот оборот встречается начиная с XIV века: *бити чоломъ* ‘кланяться, просить’ (ГСБМ II: 14); в современном белорусском языке *біць чалом* ‘просить’, ‘низко кланяться’ (ТСБМ I: 379).

От рассматриваемого оборота в русском языке были образованы сложные слова типа *челобі́тие/чолобі́тие* ‘поклон, просьба’ (СрезМат III: 1489) и *челобі́тная* ‘прошение или жалоба, подававшаяся на имя царя или местным властям’. В ССРЛЯ XVII: 822-823 подчеркивается, что эти слова и их производные *челобі́тний* (от *челобі́тье*), *челобі́тчик* ‘проситель’, ‘истец’ и *челобі́тчица* (ж. р. от *челобі́тчик*) употреблялись в основном в допетровское (лишь иногда в более позднее) время.

Точно так же производные от *чолобі́тие* в допетровское время использовались в украинском и белорусском языках, например: древнеукр. *чолом(ь) битъс* (начиная с XV в.) ‘просьба’, ‘приношение в натуре’ (ССУМ II: 547, Тимч II: 484), *чолобі́тна*, *чолобі́тник*, *чолобі́тниця*, *чолобиття́* (СУМ XI: 349); белорус. *чалабі́тная*, *чалабі́тчык*, *чалабі́тчыца*, *чалабі́цце* (ГСБМ V/2: 289). Сейчас указанные термины воспринимаются носителями языка как устаревшие.

Начиная с XVII века восточнославянский оборот *бить челом* проникает и в польский язык в виде *bić (komu) czolem* ‘низко кланяться в знак рабской покорности’, а также встречается в сложных словах *czolobitnia* ‘битье челом’, ‘раболепный поклон’, *czolobitny* ‘наипокорнейший’ (ср. BrSE: 80, Bańkowski SE: 234).

Итак, наименование **čelo* в значении ‘лоб’ было широко известно на всей восточнославянской территории. Еще Даль IV: 587 на первом месте среди значений слова *чело́* помещает ‘лоб, часть головы от темени до бровей’, ср. также рус. выражение *высо́кое чело́*, где этот термин употребляется в значении ‘лоб’, и уст. и поэтическое *бить чело́м* (см. ССРЛЯ XVII: 820 и БТСРЯ: 1470 – там с пометой «традиционно-поэтическое»).

Аналогичным образом квалифицируется *чалó* ‘лоб’ в ТСБМ V/2: 291, в то время как оборот *біць чало́м* не сопровождается какой бы то не было пометой.

Между тем, укр. *чоло́* ‘лоб’, различные выражения и обороты (*висо́ке чоло́*, *відкриті́ чоло́*, *бі́ти <ударя́ти> чоло́м*), переносные значения слова *чоло́* (‘передняя часть здания, фасад’), а также выражение (*ста́ти*) *на чолі́* ‘стоять во главе’, судя по СУМ XI: 348–349, живы в украинском и до сих пор, как, впрочем, и в польском (соответственно *czoło* – ‘передняя часть, напр., колонны’, *stać na czele* – ‘стоять во главе’; но: *rana na czole* ‘рана на лбу’).

Трудно сказать, каково было прежде взаимоотношение значений **čelo* и **lьbъ* в восточнославянских языках. По всей вероятности, *čelo* входило в литературный (книжный) язык, в то время как **lьbъ* употреблялось в устной речи. Возможно также, что играла роль диалектная дифференциация: **čelo* было распространено в южных, **lьbъ* же – в северных говорах. Наконец, можно

предположить, что имело место постепенное вытеснение более раннего названия **čelo* более поздним **ľbbь*.

Наименование **ľbbь* имело первоначально другое значение. Первые по времени данные об употреблении термина *ľbbь* (*лобь*) относятся к XI веку (часто – в более поздних копиях, относящихся к XIII и последующим векам), где *ľbbь* означает ‘череп’, ‘голова’ (ср. *leb* в современных чешском и словацком языках). Мы находим подтверждение этому в ряде источников: в Хронике Георгия Амартола и в летописях (СДРЯ IV: 437), в словаре Пандектов Антиоха и в Лаврентьевской летописи (СРЯ XI–XVII VIII: 262), а также в материалах нескольких памятников (в СрезМат II: 59–60). Значение ‘лоб’ появляется лишь в начале XVI века (СРЯ XI–XVII, там же), повсеместно же – только с XVIII века (ср. СРЯ XVIII XI: 209–210, где значения ‘череп’, ‘голова’ рассматриваются уже только как переносные). В современном русском литературном языке это слово означает только ‘лоб’, хотя употребляется и в переносном значении, напр.: в военной терминологии выражение *в лоб* подразумевает ‘фронтальным ударом’, а в морской – ‘навстречу движению судна’ (о переносных значениях слова *лоб* в русском разговорном языке см. БТСРЯ: 502). По данным ОИА, в современных русских говорах также отмечено только значение ‘лоб’.

В белорусском языке *лоб* первоначально появляется в значении ‘череп’ (напр., в Библии Ф. Скорины нач. XVI века), в значении же ‘лоб’ – в XVII веке (ГСБМ XVII: 93–94). В XVII веке под влиянием польского языка слово *lebbь* sporadически фиксируется в значении ‘голова’ (ГСБМ XVI: 313 и ЭСБМ VI: 24). В настоящее время в белорусском литературном языке и его говорах это слово означает только ‘лоб’ (ГСБМ).

Нельзя с полной уверенностью сказать, когда это значение распространилось на украинское *лоб*. Во всяком случае, в двух приводимых в словаре Тимченко (Тимч I 407) цитатах XVII века оно имеет значение ‘голова’: «*Въ лобь му стрѣлили зъ мушкета*» (Диар. Фил., 152), «*Не знайшли ничего только лобь*» (Рук. хр., 120). В современном украинском литературном языке это наименование имеет значение ‘лоб’, если не принимать во внимание случаев, когда оно употребляется в переносном значении (см. СУМ III: 274).

Таким образом, на примере восточнославянских языков можно проиллюстрировать семантическое развитие праслав. **ľbbь*: ‘твердая скорлупа’ → ‘череп’ → ‘верхняя часть головы’, ‘лоб’, ‘голова’, – как его видят этимологи (см. Slawski SE V: 90–93, ЭССЯ XVI: 225–228, ЭСБМ VI: 24).

* * *

Далее всего на северо-восток наименование **ođi* распространено вдоль западной и южной государственных границ России, где образуется переходная полоса с параллельным названием **glazy*. На территории России это наименование записано на Смоленщине (н. ш. 758, 771, 784) и в окрестностях Брянска

(н. ш. 798, 811, 822). На юге России оно отмечено в украинских населенных пунктах (836, 843, 847, 849). Кроме того, наименование **oči* (параллельно с названием **glaza*) было записано несколько восточнее от российско-украинского пограничья, а именно вблизи Орла (н. ш. 802 и 816). То, что название **oči* известно под Смоленском и Брянском, документируется и материалами ЭССЯ XXXII: 13, судя же по данным SP VII: 90–91, это название распространено и в азиатской части России.

Наблюдается в то же время и обратное явление: анклавы наименований, восходящих к рус. **glaza*, **glazy*, имеются в Беларуси – на ее северо-западе (*глаз, гла'за, гла'зы*), поблизости от границ Литвы и Латвии, а также в Литве и Латвии (СПЗБ I: 447). Принято считать, что это результат более позднего влияния русского языка (ср. ЭСБМ III: 92 *gláziць*). Блр. название *глазь* в значении 'орган зрения' отмечено уже в текстах конца XVI века (ГСБМ VI: 291).

Между тем, в записях украинских говоров для ОЛА названия, восходящие к корню **glaz-*, вообще не встречаются.

В настоящее время в русских говорах на территории России доминирует форма **glaza*, встречающаяся также в полосе переходных говоров на пограничье России с Украиной и Белоруссией, спорадически же – и в нескольких соседствующих далее к западу белорусских пунктах.

В западной части России наблюдается форма **glazy*, часто выступающая параллельно с формой **glaza*. Первая из них образует четко очерченный ареал, в который входят Псковская и Новгородская области, а также несколько соседствующих с этими областями населенных пунктов в окрестностях Санкт-Петербурга и в западной части Вологодской области, далее – Тверская, Смоленская и Брянская области (кроме того, н. п. 787 вблизи Калуги). К этому ареалу присоединяются русские населенные пункты в Литве (525), Латвии (526) и Эстонии (527), а также на северо-западе (328, 331, 339), северо-востоке (351, 352) и востоке (380) Беларуси.

Форма **glazy* была также зафиксирована на периферии русских говоров – вблизи г. Великий Устюг в северо-восточной части Вологодской области (н. п. 627 *g'lazy*), а также на севере вблизи Архангельска (н. п. 537 *g'lazy* параллельно с *gl'a'za*) и на самом юге России – под Белгородом (*g'lazy*).

В "Словаре русских народных говоров" также приводится форма *glázy*, но ввиду его дифференциального характера – названия *глаз*, мн. ч. *glázy*, *glázy* не снабжены географической документацией, однако примеры оборотов с этой формой *взять glázy в руки* 'посмотреть внимательнее', *вставить glázy* 'понять, разобраться в чем-либо до конца; прозреть' записаны в Псковской и Смоленской областях (СРНГ VI: 184–186).

Название **glazь* в значении 'орган зрения' является русской инновацией; первоначально это слово означало 'шар', 'камень', 'круглый камешек', 'стеклянный шарик' и в таких значениях употреблялось на севере славянской языковой территории. Вследствие схожести со стеклянным шариком

ком или круглым камешком так стали называть 'глазное яблоко', а затем 'глаз' (ср. Фасмер ЭСРЯ I: 409–410, ЭССЯ VI: 117–118, SP VII: 90–91, Borys SE: 161–162).

Первоначально *глаз* назывался по-русски *око*, мн. ч. *очи*, о чем имеется большое число свидетельств в текстах – начиная с XI века, ср. СДРЯ VI: 108–109, СРЯ XI–XVII XII: 327–329. От этого названия возникло много производных, таких как прилагательное *очесный* и наречия *очивѣсто*, *очивѣсть* 'очевидно, явно' и т. д. (СРЯ XI–XVII XIV: 98, ЭССЯ XXXII: 13, 41–42). Лишь со временем слово *око*, мн. ч. *очи* стало восприниматься как устаревшее, книжное и употреблялось главным образом в составе некоторых оборотов (ССРЛЯ VIII: 789–790).

Также слово **glazь* встречается в старых русских текстах. Запись *глазкы стекляньши* 'отшлифованные (водой) камешки' (Ипатьевская летопись, ок. 1425 г. – ср. СДРЯ II: 327, СРЯ XI–XVII IV: 29) цитируется в научной литературе исследователями, стремящимися объяснить закрепление в слове **glazь* значения 'глазное яблоко', 'глаз'. О том, что значение это существует давно, свидетельствует производное *глазатый* 'глазастый, большеглазый', – первая запись в Прологе XIII–XIV вв., самое позднее – нач. XIV в., ср. СрезМат I: 518, СДРЯ II: 327, СРЯ XI–XVII IV: 29. Прилагательные *глазатый*, как и *глазастый*, известны в русских говорах в значении 'имеющий красивые глаза', 'такой, который чем-либо бросается в глаза' (СРНГ VI: 186–187). В "Словаре древнерусского языка" слово *глаз* в значении 'орган зрения' приводится из Паримейника XIV–XV в. (ср. СДРЯ VI: 186–187). Это лишь первые свидетельства употребления слова *глаз* в упомянутом несколькими строками выше значении. Странно, что в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» пример из Паримейника отсутствует, первые же свидетельства употребления слова *глаз* в значении 'орган зрения' документируются лишь начиная с XVI века.

На основе тщательного анализа древнерусских памятников М.А. Соколова (1952: 8–13) пришла к выводу, что слово *глаз* в значении 'орган зрения' широко распространилось в русском языке лишь на рубеже XVI–XVII вв. Столь медленное изменение значения было вызвано, вероятно, тем, что название *око* употреблялось в литературном языке, в то время как слово *глаз* было простонародным. Таким оно считалось еще в XVIII веке, хотя и выступало повсеместно, в том числе и в многочисленных фразеологических оборотах, и дало основание таким производным, как уменьшительное *глазók*, прилагательные *глазастый*, *глазной* и т.п. (ср. СРЯ XVIII V: 122–125). Стоит отметить, что название *глаз* и в настоящее время употребляется во всех русских говорах, что доказывает его давнее в них наличие – несмотря на то что в литературный язык оно проникло довольно поздно.

* * *

Территориальная дифференциация названий, восходящих к **koža* и **skora*,

в материалах ОЛА представляется следующим образом. Слово, восходящее к **koža*, образует два ареала: на юго-западе и на северо-востоке славянской языковой территории, а то, которое восходит к **skora*, разделяет эти ареалы посередине.

Границу северо-восточного ареала названия **koža* провести непросто. Это слово выступает прежде всего в русских говорах, затем – также компактно – в северной и восточной Беларуси, в наиболее продвинутых на восток говорах Украины и в нескольких анклавах на западной украинско-российской границе. Кроме того, название **koža* – главным образом параллельно с названием **skora* – записано в Беларуси и на Украине.

Если принять за основу максимальное, но не совсем компактное распространение названия **koža*, границу его употребления можно было бы провести вдоль меридиана, на котором находится Киев, местами несколько отодвигая ее на запад. На восток от этого изолекса часто выступает – как параллельное – название **skora* (н. пп. 501, 502, 505, 509, 511), где оно записано как единственное, образующее небольшой ареал.

По обоим сторонам описываемой границы встречаются названия из соседнего ареала, чаще всего как параллельные.

Название **skora* (так же, как и **koža*) имеет общеславянский характер. Оно выступает в славянских языках в значении ‘твердая, негибающаяся оболочка’ – в частности – животного или растения, то есть ‘шкура животного’, ‘человеческая кожа’, а как вторичные значения – ‘фруктовая кожица’, ‘древесная кора’ и т. п. (Machek ES–2: 547, Bezlaj III: 246, Boguš SE: 553 и др.). В этимологических словарях приводятся разнообразные оттенки значения этого слова. Здесь будет рассмотрено лишь значение ‘человеческая кожа’ (именно оно было предметом исследования в ОЛА) – остальные значения будут упоминаться только попутно.

Название **skora* в значении ‘человеческая кожа’ было записано собирателями материалов для ОЛА на значительной территории: в польских говорах (в чешской Силезии в н. п. 207 – *skura*), кроме того, в восточнословацких, белорусских и украинских говорах (в русских – лишь спорадически).

Название **skora* имеет дифференцированную фонетическую форму, причем эти варианты составляют ареалы.

Начальный согласный *s*- выступает в польских говорах, в упоминавшемся выше н. п. 207 в чешской Силезии и во всей восточной Словакии, а также в двух украинских населенных пунктах (448 и 465 – *s'kura*) в западном Закарпатье и в семи – во Львовской области (*s'k'ira*, *s''k'ira* – 412, 419, 420, 427, 428, 429, 449).

На польско-восточнославянском пограничье – кроме южной части (см. выше) – граница территории, где выступает начальный **s*-, проходит далее на север вдоль государственной границы Польши с Украиной и вдоль короткого отрезка на юге с Беларусью, отклоняясь затем на восток. Начальный соглас-

ный *s-* наблюдается на значительной территории северо-западной Беларуси. Еще далее на север граница распространения начального *s-* на северо-западе Беларуси совпадает с границей распространения названия **skora*, в северо-белорусском пункте 342 это название записано параллельно с **koža*, в начале слова произносится *s-* (*s'kura*). Столица Беларуси Минск находится на территории, где это название восходит к форме **skora*. Лишь в периферийном северо-западном белорусском населенном пункте 327 обнаружен начальный согласный *š-* (*š'kura*).

Форма *ску́ра* в значениях ‘шкура животного’, ‘человеческая кожа’, а также ‘выделанная шкура животного’ многократно документируется на упомянутых выше территориях в СПЗБ IV: 471–472, форма *скурá* приводится там также в окрестностях г. Браслав Витебской области (т.е. близости от н. п. 327 в ОЛА) и в белорусских говорах Литвы и Латвии. Именно эта форма стала литературным названием в современном белорусском языке, ср. слово *скура* и его многочисленные производные в ТСБМ V/1: 191–192.

На Украине, если не считать нескольких приведенных выше примеров наличия начального *s-* (в западной части Закарпатья и во Львовской области), доминирует начальный согласный *š-*. Лишь в двух населенных пунктах на западе от Киева (457 и 459) была зафиксирована форма *s'kura*. Возможно, что это реликт sporadически выступающего имени собственного (ср. ССУМ II: 349 – 1341, 1433 гг.), которое позднее стало нарицательным в значении ‘человеческая кожа’ (картотека СУМ XVI–XVII), или часто документированной в XVI–XVII вв. формы *ску́ра* ‘человеческая кожа’, ‘выделанная шкура животного’ (картотека СУМ XVI–XVII, также у Тимченко II: 328 – 1621 г.). В современном украинском языке слово *скопá* ‘невыделанная шкура животного’ считается устаревшим (СУМ IX: 297).

В украинских говорах названия, восходящие к **skora*, обнаруживают различия в произношении коренного гласного *-o-*. В юго-западных районах страны на компактном ареале наблюдается форма с *i*, а именно *š'k'ira* (в окрестностях Львова – *s'k'ira*). Такая форма отмечена на западе Украины вплоть до украинско-польской государственной границы (кроме нескольких н. пп. на западе Закарпатья). На востоке территория ее распространения заканчивается в н. пп. 401, 406, 416, 431, 472, 488, 506 и 523, причем на отрезке, где находится н. п. 416, гораздо восточнее. Кроме того, форма *š'k'ira* sporadически выступает также к востоку от упомянутого изолекса в н. пп. 424 и 480, в группе находившихся близости н. пп. 501, 509 и 511, а также – параллельно с формой *š'kura* – в н. пп. 478 и 514, вероятно, под влиянием украинского литературного языка.

В то же время форма *š'kura* была sporadически отмечена на юго-западной периферии украинских говоров (в н. п. 171) и параллельно с названием *'koža* в н. п. 469. Во всех русских населенных пунктах записана форма с начальным *š-* (*š'kura*), как правило, параллельно с **koža*.

Украинские формы *š'k'ira*, *š'kura* могли возникнуть из формы родительного падежа мн. ч., где имелись условия для перехода корневого гласного *o* в *i* или *u* в закрытом слоге, после чего такое произношение распространилось и на другие падежные формы.

Украинская форма *škirá*, явно преобладающая в говорах юго-западной части страны, стала литературным словом, ср. значения 'шкура животного', 'человеческая кожа', 'выделанная шкура животного' в СУМ XI: 475–476. Форма эта стала общепринятой довольно поздно, во всяком случае, она не документирована в древнеукраинском языке (ССУМ), а также в XVI–XVII вв. (картоотека СУМ XVI–XVII и Тимченко).

Ранее чем *škirá*, появляется форма *škirá*: в картоотеке СУМ XVI–XVII она имеется в памятнике XVI в., написанном на Бойковщине (УС № 31, 97 зв.); многократно – в памятниках XVII в.: 1625 Коп. Каз. 38, 1637 УС Кал. 895, 1645 УС № 32, 39 зв. и сер. XVII в. Кас. 9. Кроме того, в реестре запорожского войска в 1649 г. обнаружен антропоним *Степан Скира*. К более позднему времени относятся записи нарицательного *škirá* 'человеческая кожа' с Гуцульщины (Шукевич) и из Галиции (Головацкий), ср. Грінч IV: 135. Лишь в "Словаре украинского языка" Б. Гринченко я обнаружил формы: *škirá*, *škirka*, *škirочка* (Грінч IV: 501).

Документированная в материалах ОЛА на значительной территории Украины форма *škurá* 'человеческая кожа' в украинском литературном языке начинается прежде всего 'шкуру животного' (часто покрытую шерстью), а также 'выделанную шкуру животного' и в разговорном же украинском – спорадически 'человеческую кожу'. Она появляется уже в памятниках XVII века: *šкура* (1646), *šкурка* (1639) – ср. данные картоотеки СУМ XVI–XVII вв., шире же распространяется позднее, ср. *škurá* у Гринченко IV: 503 и в СУМ XI: 484–486.

Слово**skora* отмечается в древнерусских памятниках, главным образом в летописях, начиная с XIV века в значениях 'шкура', 'мех, меха' (СрезМат III: 380–381, СРЯ XI–XVII XXIV: 235). В значениях 'шкура', 'невыделанная шкура', 'мех' слово *skóra* документируют в более позднее время русские словари 1794 и 1822 гг., а также Даль (IV: 192–193, 203). В XX веке слово *skóra*, обозначающее 'невыделанная шкура', 'мех', ощущается как устаревшее (ССРЛЯ XIII: 1013). Форма *škurá* впервые, как нам кажется, документирована в 1794 г. (ССРЛЯ XVIII: 1456–1458). Она имеет значения: 'наружный покров тела животного, кожа с шерстью', в просторечии также 'кожица, кожура' (о плодах), 'кожный покров у человека, кожа', также грубо о 'человеке, проявляющем себя самым отрицательным образом' (ср. Даль IV: 638–639, ССРЛЯ XVII: 1456–1458, там же многочисленные производные). Фасмер в ЭСРЯ IV: 451 склонен считать рус. *škurá* заимствованием из польского языка – ввиду отсутствия древних записей с корневым гласным *-u-*. Факт, что форма с *-u-* широко представлена в украинских и белорусских говорах, позволяет

считать это сомнительным. Предположение, что название **skora* в значении ‘человеческая кожа’ распространилось на восточнославянскую языковую территорию под польским влиянием, подвергаясь более поздним фонетическим изменениям (Фасмер считает, что переход *s* в *š* выполняет отрицательную экспрессивную функцию), требует самого тщательного изучения истории этой формы в восточнославянских языках.

Стоит отметить, что столь давно зафиксированному в русских памятниках слову **skora* в говорах почти повсеместно соответствует название **koža* и лишь спорадически наблюдается слово *шкѹра* – не вполне ясного происхождения.

Такое же положение имеет место, когда речь идет о других названиях частей тела. Так, широко документированному в исторических памятниках слову **oči* в говорах в настоящее время почти повсеместно соответствует название **glaza* (**glazy*), такое же соотношение наблюдается между названиями **čelo* (которое, однако, сохранилось в оборотах) и **ľbь*, а также древним, хотя и редко зафиксированным, **pljuŭja* и единственным его диалектным соответствием **ľgьky* ‘лѣгкие’.

* * *

Для языковой ситуации говоров на территории восточной Польши особенно характерно исчезновение в них слов восточнославянского происхождения. Проиллюстрирую это – как и выше – несколькими типичными примерами.

Название **čelo* выступает на всей южной и западной славянской языковой территории. Кроме компактного ареала оно записано на значительной части юго-западной Украины (*čo'lo, č'o'lo, čy'lo*). На востоке же, в русских, украинских и белорусских говорах, наблюдается почти исключительно (кроме юго-западной Украины) название **ľbь* (*lop, lob, lop*).

Границу употребления обоих наименований (**čelo* и **ľbь*) можно обозначить весьма четко, что позволяет провести изоглоссу. В непосредственной близости от нее параллельное употребление обоих вариантов наблюдается крайне редко – например, в населенных пунктах 414, 415 и 421 к северу от Львова и в населенном пункте 524 на территории Молдовы. Следует однако упомянуть, что в ареале наименования **čelo* несколько раз было записано **ľbь*, в ареале же наименования **ľbь* соответственно встречалось **čelo* – на территории, весьма отдаленной от его ареала. Происхождение этих наименований различно. Так, **ľbь* было привнесено в северную и западную Польшу после Второй мировой войны переселенцами с востока (*цор* – 240, *лєр* – 252, *лєр* параллельно с *czolo* – 267). В Закарпатье эти наименования могли появиться под влиянием украинского литературного языка (*лор* параллельно с *čo'lo* – 449 и только *lob* – 497). Что же касается наименования **čelo* всегда употребляющегося параллельно с **ľbь* на востоке Украины и на юге России, оно, по всей вероятности, является реликтом.

В последние годы граница между ареалами наименований **čelo* и **ľbь* на польско-восточнославянском пограничье сместилась. Судя по материалам ОЛА, сейчас она проходит на отрезке от города Грубешов вдоль польской государственной границы и южнее поворачивает на восток вдоль линии изоглоссы, следуя чуть севернее Львова до Винницы. Между тем, в материалах, собранных ранее, **ľbь* фиксируется и на территории Польши – к северу от Грубешова. В MAGP IX: 415 наименование *leb* несколько раз отмечено вблизи восточной границы страны: в населенных пунктах Славатыче (под г. Влодава), Серпелицы (под г. Бяла Подляска), Буды (под г. Бельск Подляски), Вешхедины (под г. Сокулка), Рубцово (под Августовом). В AGWB V: 13, 44–45, где учтены восточнославянские говоры на территории Белостокского воеводства, наименование **ľbь* доминирует в восточной его части – почти до самой р. Бжозувка, затем вплоть до линии Белосток – Бельск Подляски и до г. Семятычи. В северной части ареала оно имеет форму *lop*, а южнее линии Бельск Подляски – Гайнувка преимущественно – *lob*. Наименование *čo'lo* было записано лишь в нескольких населенных пунктах поблизости от Белостока, в двух населенных пунктах в окрестностях г. Семятычи, а также, параллельно с формой *lop*, – в местности Кнышевиче (у самой государственной границы).

Г. Городыска-Гадковска (1967: 34; карта 5) утверждает, что наименование *leb* в значении ‘лоб животного’ употреблялось на всем восточном пограничье, вплоть до линии Белосток – Люблин, а также на той территории, где после Второй мировой войны появились переселенцы. Однако утверждение автора указанной работы об употреблении наименования *leb* также на территории Поморья, где проживают представители автохтонного населения, вызывает сомнения.

Итак, можно констатировать, что в последнее время происходила экспансия наименования **čelo* в значении ‘лоб’ и граница ареала его употребления в конце концов совпала с восточными рубежами Польши.

* * *

Западная граница распространения в говорах слова **visьkь* ‘висок’ совпадает с польско-белорусской государственной границей. Далее к югу изолек названия **visьkь* отклоняется на восток от западной границы Украины. Следует, однако, отметить, что материалы эти, если речь идет о польско-белорусском пограничье, вызывают некоторые сомнения. В действительности языковая ситуация здесь гораздо сложнее и, по всей вероятности, в последнее время подверглась изменениям. Судя по картам MAGP IX: 416, где во внимание принимались лишь польские населенные пункты (хотя и окруженные белорусской языковой стихией), восточнославянское название *wiski* ‘висок’ наблюдалось также на территории Польши. Оно было записано в местности Буды вблизи г. Бельск Подляски, в Вешхединах под г. Сокулка и в Рубцове около Августова. Очевидно, в польской языковой среде слово *wiski* в течение срав-

нительно короткого периода (между временем сбора материалов для МАГР и для ОЛА) вышло из употребления. Иначе выглядят ареалы обоих названий – *wiski* и *skronia* – в AGWB V: 14. В этом Атласе представлены, в частности, восточнославянские в языковом отношении н. пп. Белостокской области. На всей обследованной территории почти без исключений выступили восточнославянские названия *v'i'sok*, *'vusok*, *v'i'sko* (в окрестностях Белостока), *'v'iska* и *'v'iskav'ica* (на северо-востоке от Хайнувки), форма же *sk'rona* была записана лишь в западных окрестностях, где знание восточнославянских говоров уже ограничено. Название *sk'rona* было, кроме того, записано лишь вблизи государственной границы в Немирове-на-Буге (в окрестностях г. Мельник), но здесь украинский говор помнили уже только самые пожилые жители.

Названия *skron*, *skronia* и т.п. в польской фонетической форме с группой *trot* при сборе материалов для ОЛА было записано в нескольких не составляющих компактного ареала н. пп. к востоку от изолекса, обозначающего западную границу распространения слова **visъkъ*, **visъky*, а именно, в Беларуси вблизи границы с Литвой – *skron* в н. п. 337 (многочисленные примеры употребления этого слова см. в СПЗБ IV: 460), а также в белорусских говорах на территории Литвы. Кроме того, название это записано в н. п. 398 вблизи Гомеля (ср. также информацию о наличии этого названия в говорах Беларуси в AGWB V 14). На Украине название *skron* записано в н. п. 470 под Ивано-Франковском (Станиславовом), *skron* в н. п. 490 в Винницкой области, *sk'ron'a* в н. п. под Полтавой и 507 в Винницкой области, *sk'ron'i* в н. п. под Дрогобычем, в н. п. 458 под Киевом, в н. п. 471 под Тарнополем и в н. п. 516 под Одессой. Польские заимствования вошли также в литературные языки, ср. блр. *скронь* ‘висок’ (ТСБМ V/1: 182) и укр. *скроня* ‘висок’ и ‘волосы на виске’ (ЭСУМ V: 289, СУМ IX: 325).

Форм с полногласием праслав. названий **skornъ*, **skornja* в значении ‘висок’, наличие которых можно было бы ожидать на востоке славянской языковой территории (ср. Фасмер ЭСРЯ III: 653, ЭСУМ V: 283), в материалах ОЛА вообще не имеется. В украинских говорах известны заимствованные из чешского или словацкого языков формы с группой *trat* (ЭСУМ V: 24 – *скрань*).

* * *

В значении ‘коса’ на славянской языковой территории чаще всего употребляется слово **kosa* (восходит к глаголу **česati* ‘причесывать’), выступающее во всех восточнославянских говорах. В русских памятниках оно документируется начиная с XV в. (СРЯ XI–XVII VII: 356), в белорусских – с начала XVI в. (ТСБМ XVI: 46), в украинских – с XVII в. (Тимченко I: 380).

Западная граница распространения восточнославянского названия **kosa* более или менее совпадает с государственными границами Беларуси и Украины (лишь в нескольких населенных пунктах оно записано на территории Польши – 287, 298, 326). К западу от упомянутого изолекса слово **kosa* отме-

чено в восточной Польше параллельно с названием *warkocz* в том же значении (н. пп. 266, 275, 307, 322 и 324).

На самом западе Закарпатской Украины зафиксированы другие названия: *var'kuč* (н. п. 465) и *'zapl'itka* (н. пп. 448 и 466). Возможно, однако, что название **kosa* было здесь известно: об этом может свидетельствовать единственная запись этого слова в лемковском говоре (н. п. 233 – *ko'sa*) в восточной Словакии.

Иначе следует рассматривать употребление названия **kosa* в западной Польше (н. пп. 238, 247, 266 и 268), а также вблизи г. Пасленк (н. п. 252). Его появление здесь связано с языком переселенцев с востока после Второй мировой войны (как правило, в записях оно выступало параллельно со словом *warkocz*). Также и Карлович в своем словаре отмечает употребление слова *kosa* лишь в восточной части Польши в ее современных границах и в бывших польских периферийных (окраинных) диалектах на востоке (SGPK II: 8).

Слово *kosa*, сегодня воспринимаемое как устаревшее и свойственное языку поэзии, ранее употреблялось в польском литературном языке весьма часто, в особенности у писателей, связанных с восточной Польшей – у Л. Гурицко-го, Я. Кохановского, С. Ф. Клёновица (ср. SP XVI, XI: 1–2), у Й. Б. Зиморовица и Ш. Шимоновица (ср. L II: 452–453, а также SWI I: 530 и SW II: 486–487). В словаре Дорошевского слово *kosa* снабжено пометой «книжное» (SJPD III: 1035, там же дается уменьшительное *koska* ‘косичка’ у Элизы Ожешко – SJPD III: 1037).

Исчезновение восточнославянских лексем наблюдается на территории всей восточной Польши. На примере говора окрестностей г. Кнышина этот процесс, на разных языковых уровнях, рассмотрен в работах Д.К. Рембишевской (Rembiszewska 2006, 2007).

ЛИТЕРАТУРА

- БЕР – Български етимологичен речник. / Ред. Вл. Георгиев (И. Дуриданов, М. Рачева, Т.А. Тодоров). София, 1971 и сл.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2002.
- Даль – *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. I–IV. М., 1955–1956.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови / Ред. О.С. Мельничук. Київ, 1982 и сл.
- Грінч – *Грінченко Б.* Словарь української мови. I–IV, Київ, 1907–1909.
- ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Рэд. А. Жураўскі. Мінск, 1982 и сл.
- Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М., 1952.
- ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас, Серия лексико-словообразовательная. Т. I. Животный мир / Ред. Р. И. Аванесов. М., 1988.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1988 и сл.
- Сokolova M.A.* Из истории слов основного словарного фонда русского языка // Доклады

- и сообщения Института языкознания АН СССР. № 2. М., 1952.
- СПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча у пяці тамах / Рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск, 1979–1986.
- Срезмаг – *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1912.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Сост. (со II т. гл. ред.) Ф.П. Филин. М.–Л., 1965 и сл.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ред. С.Г. Бархударов (Ф.П. Филин, Д.Н. Шмелев, Г.А. Богатова, В.Б. Крысько). М., 1975 и сл.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / Ред. Ю.С. Сорокин (З.М. Петрова). Л., 1984 и сл.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. / Ред. Ф.П. Филин. I–XVII. М.–Л., 1950–1965.
- ССУМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. / Ред. Л.Л. Гумецька. I–II. Київ, 1977–1978.
- СУМ – Словник української мови / Ред. І.К. Білодід. I–XI. Київ, 1970–1980.
- СУМ XVI–XVII – Словник української мови XVI – першій половині XVII ст. / Ред. Д. Гринчишин. Львів, 1994 і н.
- Сятковский Я.* Славянские наименования ‘лба’ в свете диалектных материалов и исторических источников // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2006–2008. М., 2008.
- Тимч – *Тимченко Є.* Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст. / Підготували до видання В.В. Німчук та Г.І. Лиса. I–II. Київ – Нью-Йорк, 2002–2003.
- ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / Пад рэд. К.К. Атраховіча (Кандрата Крапівы). I–V. Мінск, 1977–1984.
- Фасмер ЭСРЯ – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. I–IV. М., 1964–1973.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В.У. Мартынаў. Мінск, 1978 и сл.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Ред. О.Н. Трубачев. I–IV. М., 1964–1973.
- ЭСУМ – Этимологічний словник української мови / Ред. О.С. Мельничук, Київ, 1982 и сл.
- AGM – Atlas gwar mazowieckich, t. I opr. H. Horodyska–Gadkowska, A. Strzyżewska–Zaremba, t. II–X opr. A. Kowalska, A. Strzyżewska–Zaremba. Wrocław, 1971–1992.
- AGWB – Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny, t. I, pod red. S. Glinki, A. Obrębskiej–Jabłońskiej, J. Siatkowskiego, 1980, t. II–III, pod red. S. Glinki, 1989–1993, t. V–IX, pod red. I. Maryniakowej, 1995–2006. Warszawa.
- Bańkowski SE – *Bańkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego. I–II. Warszawa, 2000.
- Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. I–III. Ljubljana, 1977–1995.

- Boryś SE – *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Brückner SE – *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
- Dejna AtlKiel – *Dejna K.* Atlas gwarowy województwa kieleckiego. I–VI. Łódź, 1962–1968.
- Horodyska-Gadkowska H.* Polskie słownictwo gwarowe z zakresu hodowli zwierząt domowych. Wrocław, 1967.
- Linde – *Linde M. S. B.* Słownik języka polskiego. I–VI. Lwów, 1854–1860, wyd. 3. fotooffsetowe. Warszawa, 1951.
- Machek ES-2 – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- MAGP – Mały atlas gwar polskich, opr. przez Pracownię Atlasu i Słownika Gwar Polskich Zakładu Językoznawstwa PAN w Krakowie pod kier. K. Nitscha, od t. III pod kier. M. Karasia i Z. Stamirowskiej, od t. IX pod kier. M. Karasia. I–XIII. Wrocław, 1957–1970.
- MSGP – Słownik gwar polskich, opr. przez Zakład Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie. Kartoteka.
- Muka A.* Słownik dolnosorbischej rěcy i jeje narěcow, Wörterbuch der niedersorbischen Sprache und ihren Dialekten. I–III. Petrograd – Praha, 1911–1928.
- Plet – *Pleteršnik M.* Slovensko–nemški slovar. I–II. Ljubljana, 1894–1895.
- PorJ – Poradnik Językowy. Warszawa, 1901 и сл.
- Rembiszewska 2006 – *Rembiszewska D.K.* Dynamika rozwoju gwary Knyszyna i okolic na Podlasiu w XX wieku. Warszawa, 2006.
- Rembiszewska 2007 – *Rembiszewska D.K.* Słownik dialektu knyszynskiego Czesława Kudzinowskiego. Łomża, 2007.
- Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. I–V. Bautzen, 1978–1996.
- SGPK – *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. I–VI. Kraków, 1900–1911.
- Statkowski J.* Słowiańskie nazwy ‘oczuz’ w świetle materiałów gwarowych i źródeł historycznych. Poznań (в печати).
- Statkowski J.* Słowiańskie nazwy ‘skóry ludzkiej’ w świetle materiałów gwarowych i źródeł historycznych. Warszawa (в печати).
- SJPD – Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. I–XI. Warszawa, 1958–1969.
- Sławski SE – *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. I–V. Kraków, 1952–1982.
- SP – Słownik prasłowiański, opr. Zespół Zakładu Słowianoznawstwa PAN / Red. F. Sławski. Wrocław, 1974 и сл.
- SP XVI – Słownik polszczyzny XVI wieku / Red. M.R. Mayenowa (F. Peplowski). Wrocław, 1966 и сл.
- SSA – Sorbischer Sprachatlas, I–X, bearb. von H. Faßke, H. Jentsch und S. Michalk, XI–XV von H. Faßke. Bautzen, 1965–1996.
- SStp – Słownik staropolski / Red. S. Urbańczyk. I–XI. Warszawa, 1953 – Kraków, 2004.
- SW – Słownik języka polskiego / Pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego. I–VIII. Warszawa, 1908–1927 (tzw. Słownik warszawski).
- SWil – Słownik języka polskiego, wypracowany przez A. Zdanowicza, M. Bohusza Szyszkę i innych. T. 1–2. Wilno, 1861.
- USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego / Pod red. S. Dubisza. I–IV. Warszawa, 2003.